

СМОЖЕТ ЛИ РОССИЯ ПРИНЯТЬ ВЫЗОВ ИСТОРИИ?

ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Сергей Юрьевич Глазьев

Война в Ираке: зачем?

Сравнительно недавно закончилась война в Ираке. США вместе со своими союзниками по коалиции свергли режим Саддама Хусейна и приступили к так называемому восстановлению иракской экономики, заключающемуся прежде всего в переделе нефтяных запасов этой страны. Однако члены мирового сообщества вновь и вновь обращаются к итогам минувшей войны. Одни – в поисках контуров грядущего миропорядка, другие – в надежде отыскать рецепты для противостояния растущему «панамериканизму». Не устают анализировать причины и последствия антииракской кампании и российские эксперты. Это неудивительно, особенно учитывая те потери, которые понесла наша экономика в результате одностороннего отказа марионеточного правительства нынешнего Ирака от выполнения всех обязательств администрации Хусейна.

Многие аспекты тесной связи военной и экономической политики США далеко не очевидны простому наблюдателю. Некоторые аналитики до сих пор пытаются искать объяснение американской агрессии против Ирака в стремлении США снизить цены на нефть, которые будто бы угрожали их экономическому благополучию. Данная версия не выдерживает критики. Известно, что и до начала военных действий США контролировали поставки иракской нефти на мировой рынок через режим экономических санкций и разрешительный механизм ООН. В любой момент эти санкции могли бы быть ослаблены. Более того, Соединенным Штатам было вполне по силам пойти на полное снятие ограничений на экспорт иракской нефти, чтобы спровоцировать неизбежное в этом случае падение цен на нефть. Кроме того, ряд влиятельных деловых кругов в США, близких к действующему президенту Дж. Бушу, серьезно заинтересован в высоких ценах на нефть.

Есть мнение, что высокие цены на нефть подрывают экономический рост в развитых странах – потребителях нефти вследствие роста издержек и снижения рентабельности производства. Кроме того, считается, что они вызывают рост стоимости жизни. Подобное утверждение справедливо, однако критические для экономики развитых стран последствия возникнут в том случае, если цены на нефть превысят предельную цену потребления (в странах «семерки» – около 40 долл. за баррель). Только при выходе за эту черту количество становящихся убыточными отраслей экономики превысит ее адаптационные возможности и вызовет глубокий кризис.

Но даже если представить себе, что американцы вознамерились воспрепятствовать повышению цен на нефть до предельного уровня, то для этого совершенно необязательно было «выходить на тропу войны». Ведь страны ОПЕК многократно выражали свою готовность вернуть цены на уровень около 25 долл. за баррель. Кроме того, у США было много способов повлиять на цены на нефть с применением как политических, так и экономических рычагов давления на страны – производители нефти.

Таким образом, факты свидетельствуют против версии об игре Соединенных Штатов на понижение стоимости заветного барреля. Во-первых, без ответа со стороны США остались сигналы ОПЕК о готовности сдерживать цены на нефть на приемлемом для потребителей уровне. Во-вторых, буквально накануне вторжения коалиции проамериканские политические круги дестабилизировали ситуацию в Венесуэле, в результате чего эта страна вообще прекратила поставки нефти на мировой рынок. В-третьих, агрессии в Ираке предшествовало длительное нагнетание международной напряженности, провоцировавшее панические настроения на нефтяном рынке. Очевидно, что ради такой узкоэкономической цели, как снижение цены на нефть, вполне достаточно было, скажем, сформировать проамериканское правительство Ирака и помочь ему отвоевать нефтяные районы страны. В-четвертых, выступая в конгрессе с обоснованием военной авантюры, американский президент достаточно четко сформулировал задачу снижения зависимости американской экономики от импорта нефти, что вообще противоречит версии войны за дешевую импортную нефть. В-пятых, к американо-английской коалиции против Ирака так и не присоединились страны, в гораздо большей степени страдающие от дороговизны нефти.

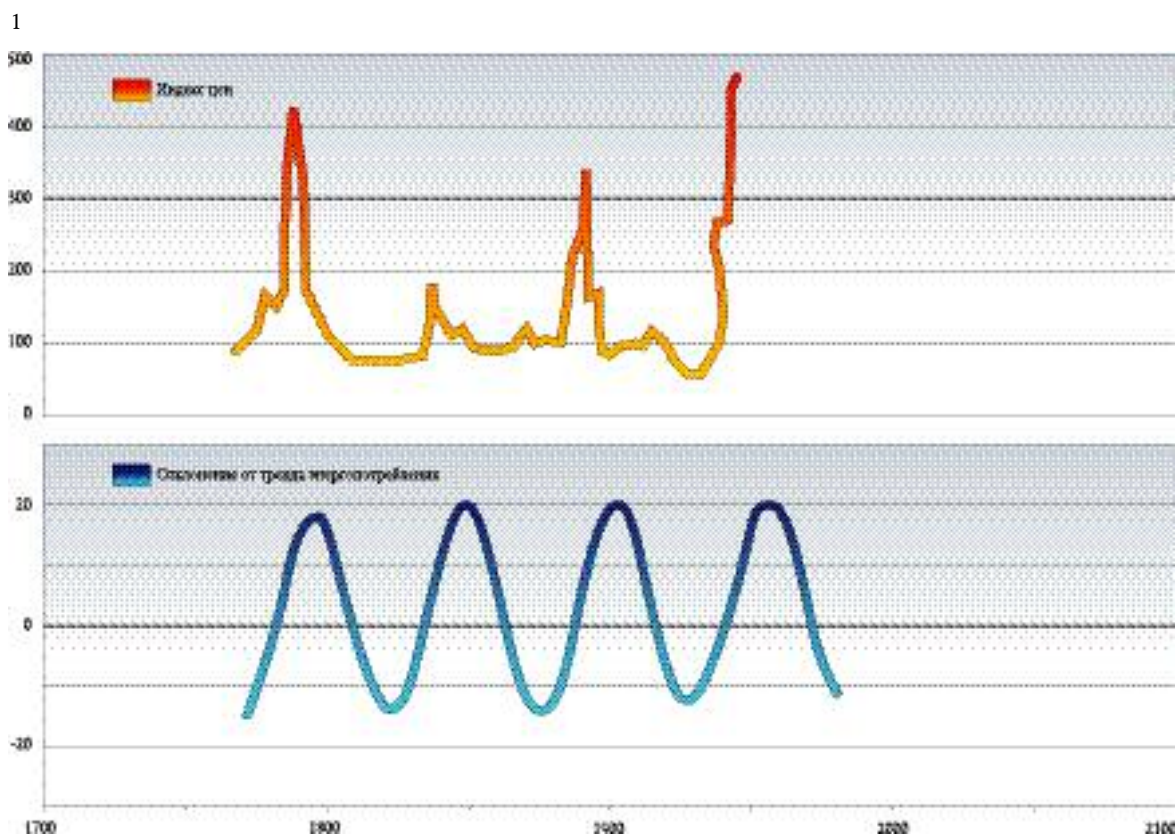
Более того, внимательный анализ показывает, что своими действиями США добились не снижения, а повышения цен на нефть. Именно в этом заключаются экономические последствия агрессии.

Один из прогнозировавшихся результатов войны в Ираке – это шок мирового сообщества. Развязав агрессию в нарушение всех норм международного права, вопреки рекомендациям ООН и даже НАТО, американское руководство дало понять конкурентам, что отныне для защиты кровных интересов американских корпораций будет применяться военная дубина.

Однако подлинный свет на фундаментальные цели американской авантюры в Ираке может пролить анализ долгосрочных закономерностей развития мировой экономики. Как видно на графике (рис.1), в мировой экономике периодически происходят резкие всплески цен на энергоносители. С периодичностью около 50 лет в течение последних двух столетий цены на энергоносители быстро взлетают и затем вновь стабилизируются.

Причины этого явления связаны с процессами развития и замещения технологических укладов, жизненные циклы которых составляют соответствующие этапы в глобальном экономическом развитии. С исчерпанием возможностей развития устаревающий уклад уступает место новому. Этот период замещения укладов характеризуется резким снижением прибыльности традиционных отраслей, высвобождением больших объемов капитала, не находящих себе применения, падением общих темпов экономического роста и структурным кризисом экономики. Внешне он проявляется через экономический кризис и депрессию. В качестве примера вспомним Великую депрессию 30-х годов прошлого века, а также длительную депрессию середины 70-х. Им предшествовал резкий всплеск цен на энергоносители. Он связан с достижением максимального уровня энергопотребления, обусловленного наивысшим объемом производства и, соответственно, спроса в рамках технологического уклада, который, натолкнувшись на пределы роста, теряет способность гибкого реагирования на ценовой диктат монополистов.

ИНДЕКС ЦЕН (ВВЕРХУ) И ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ТРЕНДА ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИЯ (ВНИЗУ)

В настоящее время мировая экономика входит в очередной структурный кризис, обусловленный замещением технологических укладов. Об этом свидетельствуют взлет нефтяных цен, снижение темпов экономического роста в ведущих странах, избыток финансовых ресурсов. Выход только один – освоение перспективных производств нового технологического уклада. Кто первым преуспеет в этом, тот получит решающее конкурентное преимущество и станет центром притяжения кредитных ресурсов.

Именно в такие переломные моменты в мировой экономике происходит смена лидеров. С подобными процессами был связан послевоенный подъем Японии и новых индустриальных стран Азии. Кроме того, по одной из версий, рост цен на нефть в 70-х годах происходил с подачи или, по крайней мере, с молчаливого согласия американской правящей элиты, которая хотела таким образом стимулировать технологический отрыв США от остального мира.

Следует также учитывать, что при переходе к новому технологическому укладу высвечивается одна из важнейших закономерностей развития экономики, связанная с переходом на все более эффективные энергоносители. Вначале дрова, затем уголь, потом нефть, после этого природный газ последовательно сменяли друг друга в качестве ведущего энергоносителя, расширение использования которого шло вслед за ростом соответствующего технологического уклада. При этом в каждом очередном технологическом укладе использовалось топливо с меньшим удельным весом углерода и большим – водорода. Логическим завершением этого процесса является переход на водород (наряду с атомной энергетикой) как ведущий энергоноситель новейшего технологического уклада.

Таким образом, воюя якобы «за иракскую нефть» или «против мирового терроризма», американское руководство готовит свою страну к переходу на новую технологическую основу в качестве ведущего энергоносителя, для чего нужны опять-таки высокие, а не низкие нефтяные цены. Тем самым оно действует с пониманием долгосрочных закономерностей глобального экономического развития, создавая условия для скорейшего становления нового технологического уклада.

Но для этого США критически важно сохранить право эмиссии доллара в качестве мировой валюты, так как оно позволяет осуществить модернизацию своей экономики за счет остального мира.

С 1971 года, когда власти США отказались от выполнения своих обязательств по обмену долларов на золото, они заставили весь мир использовать американскую национальную валюту в качестве мировой, что заложило фундамент для будущего мирового господства этой державы. На 80% долларовая денежная масса сформирована под обеспечение американских государственных обязательств, и все, кто использует доллары, фактически бесплатно кредитуют США.

Однако за 30 лет безудержная эмиссия доллара привела к формированию глобальной финансовой пирамиды. Обеспеченность долларовой массы золотовалютными резервами США составляет всего 4%, и устойчивость доллара целиком определяется спросом на эту валюту. Достаточно кому-то из крупных игроков глобального финансового рынка начать масштабный сброс долларов, как произойдет лавинообразное разрушение мировой валютно-финансовой системы. Сразу выяснится, что США должны миру более 30 трлн. долл. (из них 5 трлн. составляет долг собственно правительства США), для оплаты которых нет других источников, кроме насильно присвоенного ими права печатать мировую валюту.

Втянув весь мир в обслуживание долларовой финансовой пирамиды, США уже не могут остановить этот процесс. Для поддержания устойчивости доллара и обслуживания долгов нужно постоянно генерировать спрос на эту валюту, провоцируя других на бесконечное рефинансирование старых займов и получение новых.

Между тем спрос на кредиты сокращается. В начале процесса смены технологического уклада снижается прибыльность традиционных производств, что приводит к высвобождению капитала, сокращению спроса на кредит и обесценению активов, что провоцирует финансовый кризис. За последние четыре года общие потери американского фондового рынка превысили 7 трлн. долл., аналогичные процессы происходят также в Европе и Японии.

Всплеск цен на нефть, расчеты за которую производятся в долларах, на какое-то время связал часть избыточной долларовой массы. Резкое повышение цен на энергоносители будет стимулировать инвестиции в модернизацию производства в целях энергосбережения, что повысит спрос на кредиты. В этом же направлении будет происходить становление нового уклада, сопровождающееся растущим спросом на деньги со стороны новых производств. Но пока этот процесс не выйдет на устойчивую траекторию роста, американцам надо стимулировать спрос на доллары и блокировать попытки их сброса. Вот для этого-то и нужна Соединенным Штатам эскалация международной напряженности! Используя ее, они оказывают давление на другие страны с целью удержать их в зоне доллара и предотвратить ожидаемое снижение спроса на эту валюту.

Спровоцировав войну в Югославии, США дестабилизировали экономическую и политическую ситуацию в Евросоюзе. Устойчивость евро оказалась временно подорванной, а планы по расширению сферы обращения этой валюты – замороженными. Видимо, из-за политического давления Вашингтона так и осталась нереализованной инициатива Брюсселя по переходу на торговлю в национальных валютах с Россией.

Под предлогом «крестового похода» против международного терроризма США добились замораживания долларовых активов ряда арабских организаций. Заблокировали инициативу азиатских стран по созданию нового международного валютного фонда в их национальных валютах. Наконец, война в Ираке привела к повышению спроса на американскую валюту (военные расходы тоже ведутся в долларах).

Таким образом, США действуют совершенно логично. Под грузом выстроенной ими глобальной долларовой пирамиды они вынуждены, чтобы избежать банкротства, провоцировать все новые витки международной напряженности. Для них всякий, кто сомневается в целесообразности использования доллара в качестве мировой валюты или закрывает для него свои рынки, представляет угрозу национальным интересам. Поэтому и интересы свои они распространили на весь мир. И будут их защищать во всех уголках земного шара, обвиняя в терроризме любую страну, пытающуюся выйти из долларového пространства.

Россия: сегодня решается будущее?

Разумеется, такой ход событий не отвечает интересам России и других государств, претендующих на самостоятельность. Тем более что с каждым годом поддержание долларовой пирамиды становится все более дорогостоящим. И нет никаких гарантий, что в один прекрасный день она не рухнет, и все, кто использует доллары, потеряют значительную часть своих сбережений. А может, и все долларовые сбережения, если предположить, что введение новых долларовых купюр планируется американцами для отсеечения от внутреннего рынка ранее экспортированных «зеленых».

Поэтому руководству Российского государства необходимо отдавать себе отчет в том, что резкое повышение цен на нефть – сигнал для запуска механизмов структурной перестройки мировой экономики на новой технологической основе. И Россия может и должна использовать этот момент для экономического рывка. В структуре российской экономики есть ряд перспективных направлений создания нового технологического уклада. Это не только добыча и переработка ведущего энергоносителя – природного газа. Это прежде всего наукоемкие отрасли, определяющие современный научно-технический прогресс: биотехнологии, микроэлектроника, атомная и авиакосмическая промышленность, информационные услуги, программное обеспечение и наукоемкое машиностроение, производство конструкционных материалов. Эти отрасли могут развиваться опережающими темпами.

Для достижения успеха в этих направлениях нужна соответствующая государственная политика, предусматривающая механизмы финансирования перспективных производств. При нынешнем состоянии российского финансового рынка (при высоких процентных ставках, краткосрочной ориентации кредиторов и доминировании спекулятивных операций) не приходится рассчитывать на спонтанный приток капитала в новые направления. Для этого нужны долгосрочные низкопроцентные кредиты и механизмы страхования инвестиций в новые технологии. Государство должно организовать их предоставление через банки развития, систему гарантий, механизмы венчурного финансирования передовых разработок. Крайне важно также освободить от налогов прибыль предприятий, направляемую в передовые технологии, сделать доступной современную информационную инфраструктуру, кардинально увеличить ассигнования на науку и стимулирование НТП, организовать прогнозирование глобального, национального и отраслевого развития.

Средства для осуществления столь масштабного и амбициозного прорыва могут быть получены при добросовестном использовании государством своего исключительного права на недра и другие природные ресурсы, на регулирование естественных монополий, организацию денежного предложения. Возвращение этих доходов в бюджет позволит удвоить его и запустить на полную мощь механизмы банков развития. За счет этого можно будет не только изыскать средства для модернизации экономики, но и выполнить все социальные обязательства государства. Данное обстоятельство тоже немаловажно: непереносимое условие роста нового технологического уклада – высокая оплата квалифицированного труда, грамотность населения и готовность людей к реализации своих творческих способностей.

Оценим наши возможности. Объем природной ренты (сверхприбыли, образующейся благодаря свойствам природных ресурсов) оценивается в 30–40 млрд. долл. годовых доходов. Это не только нефтегазовая рента, но и сверхприбыль от эксплуатации месторождений других полезных ископаемых, земельная рента, гидроэнергетическая рента, рента от использования радиочастот и ассимиляционного потенциала окружающей среды, а также других природных ресурсов. Для реализации прав государства как собственника природных ресурсов должны быть введены механизмы платы за недра и загрязнение окружающей среды, налог на сверхприбыль от эксплуатации месторождений, механизм аукционной продажи прав на использование месторождений и уникальных природных объектов, плата за использование водохранилищ, экспортные пошлины на вывоз сырьевых товаров и другие, применяемые в мировой практике, инструменты.

В соответствии с нашими инициативами по усилению рентной составляющей в налоговой системе только за счет легко отделяемой части горной ренты федеральный бюджет

2003 года мог быть увеличен в полтора раза. При этом не надо забывать, что объем рентных доходов зависит от уровня мировых цен на сырьевые товары и энергоносители. Судя по закономерностям долгосрочной динамики цен на энергоносители, всплеск цен на них не продлится долго. Так что государству не следует упускать время.

Контролируя естественные монополии, государство может ощутимо влиять на условия хозяйственной деятельности и на величину собственных доходов. Многие страны начисляют на услуги естественных монополий акцизы. Другие удерживают низкие тарифы для стимулирования экономической активности. В период замещения технологических укладов целесообразно использовать дифференцированную политику ценообразования, обеспечивая льготные тарифы для населения и инновационного предпринимательства и в то же время стимулируя внедрение новой техники.

Но самой выгодной для государства является денежная монополия – неограниченный кредитный ресурс для развития экономики. К сожалению, Центральный банк России эту монополию подарил США, привязав эмиссию национальной валюты к приросту валютных резервов, хранящихся преимущественно в американских государственных обязательствах. Попустительствуя долларизации российской экономики, наши власти подарили США, кроме 300 млрд. долларов вывезенного из России капитала, еще более 100 млрд. долларов, «связанных» в экономическом обороте и валютных резервах. Чтобы эти огромные средства начали работать на развитие российской экономики, они должны быть постепенно замещены рублями – как в сфере сбережений, так и в экономическом обороте. Поскольку сегодня рубль в избытке обеспечен золотовалютными резервами, надо решать задачу его внешней конвертируемости и широкого использования в международных расчетах. Тогда инвестиционные возможности России увеличатся в несколько раз, и мы, наконец, вернем важнейший инструмент стимулирования экономического развития.

В любом случае России следует избавляться от долларовой зависимости. Резко сократить долю долларовых активов в валютных резервах. Прекратить привязывать денежную эмиссию к приросту валютных резервов и в политике денежного предложения руководствоваться спросом на деньги со стороны производственной сферы. Создать механизмы кредитования инвестиций в освоение новых технологий. Договориться с Евросоюзом, странами СНГ, Китаем об использовании национальных валют во внешнеэкономических расчетах и добиться внешней конвертируемости рубля.

К сожалению, руководство Центробанка России постоянно «забывает» о том, что сама суть центральных банков, историческая причина их возникновения заключается в создании механизмов кредитования или авансирования экономического роста. Наше государство, по сути, отказывается от своих прямых обязанностей по созданию предпосылок и инструментов для расширения кредита, то есть по формированию таких условий, при которых предприятия, нуждающиеся в финансовых ресурсах, могли бы получать кредиты по разумным процентным ставкам.

Есть мнение, что сегодня в российской экономике «много денег». На самом деле спрос на деньги регулируется, как известно, величиной банковского процента, берущей свое начало от учетной ставки Центробанка. Если же сравнить ставку процента с рентабельностью во внутренне ориентированных отраслях экономики, то получается, что в современной российской экономике получение кредита, по сути дела, равносильно разорению. Рентабельность в неэкспортных отраслях в среднем не превышает 6%, а ставки по ссудам достигают 12–16%, к тому же требуется еще и надежное обеспечение. Поэтому уже давно следует переходить к развертыванию системы денежного предложения в интересах роста производства.

Мировой опыт и теория подсказывают необходимые для этого механизмы – такие, например, как рефинансирование коммерческих банков под залог векселей платежеспособных предприятий. Центральный банк давно признает необходимость двигаться в этом направлении, но воз и ныне там. Сегодня экономика страны сталкивается с совершенно абсурдной ситуацией, когда объем денежной базы в стране меньше объема валютных резервов. Грубо говоря, если «отменить» рубль и закрыть Центральный банк, денег в экономике страны окажется больше, а инфляция станет меньше. Это еще одно доказательство, что государство, фактически самоустранившись от использования денежной монополии для создания условий роста кредитов и инвестиций, тормозит тем самым экономический рост в целом.

Анализ механизмов реального кредитования производства под ликвидные активы вновь возвращает нас к проблемам определения и изъятия природной ренты. С точки зрения привлечения инвестиций и повышения эффективности производства рентные платежи должны ориентироваться на предложение запасов. Предлагаются запасы к разработке, они оценены – и именно в момент предоставления запасов частным фирмам нужно брать природную ренту. Тогда частная фирма, заплатив за запасы столько, сколько они стоят с точки зрения получения сверхприбыли, будет заинтересована в том, чтобы эти запасы эксплуатировать и расширять производство. В противном случае мы рискуем оказаться в ситуации, в которой находится много слаборазвитых стран, когда транснациональные корпорации, получая лицензии, должным образом месторождениями не занимаются. Условно говоря, происходит капитализация запасов, но не их разработка. Поэтому, если вопрос, скажем, текущих доходов и текущих издержек – это вопрос пока до конца не ясный и зависит в значительной степени от конъюнктуры мировых цен, то вопрос оценки запасов и изъятия природной ренты в момент предоставления их в частное пользование является очень перспективным и важным механизмом, который позволит государству взять деньги сейчас, когда они очень нужны, а частный бизнес заставит эксплуатировать месторождения эффективно.

В связи с этим необходимо ответить на очень важный вопрос, а именно: на какие, вообще говоря, природные ресурсы мы можем рассчитывать? Сегодня благодаря высокой конъюнктуре цен на нефть все говорят о нефтяной ренте. Это правильно, но это – вопрос времени. Пройдет какое-то время, и цены на нефть упадут.

Хотелось бы обратить внимание читателей также и на такие природные ресурсы, как, скажем, газ, где цены более стабильны и сверхприбыль при эксплуатации месторождений гораздо выше, чем при эксплуатации месторождений нефти, или, к примеру, гидроэлектроэнергия. По ряду вполне понятных причин весьма субъективного характера нас, рядовых потребителей, заставляют платить за электроэнергию примерно втрое выше себестоимости ее производства. Если же рассматривать электроэнергию, вырабатываемую на гидроэлектростанциях, то здесь ситуация еще более вопиющая: тариф превышает себестоимость в десятки раз. Тем не менее до сих пор вопрос об оценке природной ренты на наших гидроэнергетических мощностях, то есть на принадлежащих государству водохранилищах, стыдливо обходится. А ведь это – тоже общенародное достояние, и надо заставить электроэнергетиков платить природную ренту за эксплуатацию гидроэнергетических ресурсов, накапливаемых в водохранилищах.

Вспомним и о таком «эфемерном» источнике получения ренты, как радиочастоты. К примеру, Германия за счет продаж радиочастот (тоже невозпроизводимый ресурс, который вообще ничего не стоит) имеет 20–30 миллиардов евро в своем бюджете.

И безусловно, нельзя забывать об обязательности регулирования природопользования за счет экологических налогов. Парадоксально, но факт: мы сегодня – единственная из развитых стран, где не взимаются платежи за загрязнение окружающей среды. Это полный абсурд, позволяющий недобросовестным хозяйственникам паразитировать на окружающей среде, в то время как в других странах экологические налоги – один из важнейших источников дохода государства.

У государства есть и такой инструмент, как контроль над естественными монополиями. И, регулируя тарифы естественных монополистов, оно очень серьезно может влиять на экономический рост. Очень часто обществу даже выгодно, наоборот, дотировать, скажем, транспортные перевозки, получая мультипликативный эффект в других отраслях.

Перейдем теперь к «монополии на власть», которой, по определению, обладает государство. Однако, да извинит меня читатель за невольный каламбур, российская власть странным образом умудряется сбрасывать с себя ответственность за использование своей власти. А есть направления, где эта сила очень нужна. Речь идет, скажем, о таком существенном пороке нашей экономики, как криминализация рынка, от которой страдают и производители, и потребители – в особенности малый бизнес. Ни для кого не секрет, что перекупщики заставляют крестьян продавать свои товары по ценам примерно в 2–3 раза ниже рыночных, а потребителей, в свою очередь, заставляют переплачивать за покупаемую продукцию. Можно легко под-

считать, что, пока овощи из Астрахани, скажем, «доезжают» до Москвы, их цена повышается в несколько раз. Кто, как не сильное и, главное, «морально устойчивое» государство, должен этим заниматься? Кто должен расчищать рынок от организованной преступности, от коррупции в органах власти и защищать наших предпринимателей от поборов мафиозных структур?

Одним словом, сегодня уже известны не только приоритеты развития и его ожидаемые результаты, но и сама «технология» осуществления «прорыва в будущее». Однако у России остается все меньше и меньше времени для того, чтобы с честью принять поставленный сегодня перед нами вызов Истории. Вызов, который со всей отчетливостью обнажает весьма простую альтернативу: либо наша страна вновь возвращается в ряд ведущих держав современности, либо окончательно скатывается на сырьевую периферию мировой хозяйственной системы, становясь страной третьего мира со всеми вытекающими отсюда последствиями.